

На правах рукописи

Берестова Екатерина Михайловна

**Социально-культурная деятельность
православной церкви в Удмуртии
(вторая половина XIX – начало XX века)**

Специальность 07.00.02.– отечественная история

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Ижевск – 2003

Работа выполнена в Удмуртском институте истории, языка и литературы
УрО РАН

Научный руководитель – доктор исторических наук,
профессор Гришкина Маргарита Владимировна

Официальные оппоненты – доктор исторических наук,
профессор Сануков Ксенофонт Никанорович
кандидат философских наук,
Семенов Юрий Валерианович

Ведущее учреждение – Ижевский государственный технический университет

Защита состоится " _____ " _____ 2003 г. в
_____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.275.01 при
Удмуртском государственном университете по адресу: 426034, г. Ижевск,
ул. Университетская, 1, корпус II, ауд. _____

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Удмуртского
государственного университета

Автореферат разослан " _____ " _____ 2003 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
к.и.н., доцент

Г. Н. Журавлева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Религия всегда играла важную роль в жизни общества. Именно религия обуславливает многие характерные черты той или иной цивилизации. Выбор православия в качестве государственной религии во многом определил пути последующего развития Руси, а потом и России. Православие сыграло значительную роль в становлении Российского государства и в складывании менталитета населения, с православием многие столетия было связано и развитие русской культуры. Православная церковь постепенно структурировалась в сложный социальный институт, находящийся в тесном взаимодействии с государством и обществом. На протяжении всей русской истории православная церковь оказывала огромное влияние на все сферы общественного развития.

В научной литературе религиозная деятельность традиционно подразделялась на культовую и внекультовую. К внекультовой относилась деятельность, напрямую не связанная с отправлением культа, например, хозяйственная, социальная и культурная. Именно эта деятельность церкви имеет наибольшее общественное значение, так как в ней реализуются функции, имеющие социальный характер. Одним из направлений внекультовой деятельности православной церкви была социально-культурная деятельность, объединяющая социально-политическую, мировоззренческую, морально-этическую, благотворительную и культурную функции. Исследование социально-культурной деятельности православной церкви позволяет ввести в круг изучения и социальную работу. Принятие в 2000 г. "Основ социальной доктрины православной церкви", вызвало особый интерес к этому, еще малоизученному аспекту деятельности православной церкви. Другой сферой социально-культурной деятельности православной церкви было миссионерство. Оно является специфическим проявлением мировоззренческой функции, направленным на обращение в религиозную веру инакомыслящих. Мировоззренческая функция церкви также осуществляется и через культурную деятельность. При этом особое значение приобретает духовное образование, которое одновременно является и способом распространения религиозных знаний и возможностью подготовки кадров священнослужителей. Собственно культурная функция церкви, направленная на создание духовных и материальных культурных ценностей должна являться предметом специальных литературоведческих, искусствоведческих и культурологических исследований. Таким образом, в данной работе под социально-культурной понимается миссионерская, культурно-просветительская, морально-этическая и социальная деятельность церкви.

Особый интерес представляет социально-культурная деятельность православной церкви во второй половине XIX – начале XX в. В этот период в России происходят преобразования, затронувшие все сферы жизни общества, в том числе и православную церковь. Однако, как известно, Российская империя не была монолитным государственным образованием. Она включала в себя множество разных народов, имеющих значительные экономические, конфессиональные и культурные различия. Весь Волго-Уральский регион, в который входила и Удмуртия, является особой территорией, где на протяжении

столетий складывалась чрезвычайно мозаичная этноконфессиональная структура. В этой связи большое значение приобретает изучение региональных особенностей социально-культурной деятельности православной церкви. Это позволяет воссоздать объективную и полную картину исторического развития русской православной церкви, а также более подробно осветить некоторые страницы истории Удмуртии. Таким образом, объектом настоящего исследования является социально-культурная деятельность православной церкви во второй половине XIX – начале XX в. Предметом – региональные особенности этой деятельности на территории Удмуртии.

Степень научной разработанности проблемы. Отдельные аспекты социально-культурной деятельности православной церкви неоднократно становились предметом внимания ученых. Исследования, посвященные этой проблеме можно сгруппировать по четырем основным направлениям. К первому относятся обобщающие работы по истории России и русской православной церкви и специальные исследования, характеризующие как общее положение православной церкви в системе Российского государства, так и некоторые его специфические черты. Второе направление представлено работами, посвященными конфессиональной политике государства и церкви вообще и миссионерской деятельности в частности. К третьему направлению относятся работы, раскрывающие различные направления просветительской деятельности церкви. Четвертое – представлено работами, посвященными теории и истории социальной работы в России, развитию общественного призрения и благотворительности.

В дореволюционной отечественной историографии социально-культурная деятельность православной церкви во второй половине XIX – начале XX в., за исключением проблем духовного образования, не получила достаточного освещения. Тем не менее, в этот период были созданы серьезные исследования по истории русской церкви¹. В советский период господствующее положение в отечественной историографии заняли антирелигиозные идеологические установки, что привело к появлению целого ряда работ, в которых деятельность православной церкви оценивалась исключительно негативно².

В связи с празднованием тысячелетия крещения Руси в отечественной историографии усилился интерес к православию. В своих исследованиях часть авторов попыталась отойти от прежних стереотипов при рассмотрении истории русской церкви. Так, в работе "Русское православие: вехи истории", оценивая деятельность православной церкви в конце XIX – начале XX в. авторы впервые отмечают и ее достижения в сфере образования и религиозной мысли³.

Для большинства современных исследователей характерен достаточно взвешенный и объективный подход к истории православной церкви⁴. В монографии Б. Н. Миронова "Социальная история России периода империи"

¹ История православной церкви в XIX в. Славянские церкви. Репринт издания 1901 г. Сергиев Посад. 1998; Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. Т. 2. М., 1997.

² Красников И. П. Русское православие, государство и культура. (Исторический аспект). М., 1989; Корзун М. С. Русская православная церковь на службе эксплуататорских классов: X в. – 1917. Минск, 1984; Козлов Ю. Ф. Союз короны и креста. Саранск, 1985; Грекулов Е. Ф. Православная инквизиция в России. М., 1964; Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880 гг. М., 1964; Правительственный аппарат самодержавной власти России в XIX в. М., 1971; Российское самодержавие в конце XIX столетия (Политическая реакция 80-х – начала 90-х гг.) М., 1970; Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 80-х гг. до начала XX в. Л., 1875; Никольский Н. М. История русской церкви. Минск, 1990.

³ Русское православие: вехи истории. М., 1989.

⁴ Федоров В. А. Православная церковь и государство // Очерки русской культуры XIX в. Т. 2. Власть и культура. М., 2000. С. 265-328.

история православной церкви отдельно не рассматривается⁵. Однако в ней автор впервые прослеживает становление и развитие духовного сословия в России. По мнению Б. Н. Миронова духовенство как сословие пользовалось определенной самостоятельностью в рамках государственной системы. Автором подробно рассматривается процесс освобождения духовенства и его трансформации из сословия в профессиональную группу. Особый интерес представляют приведенные в работе данные о влиянии православия на демографические процессы. Оценивая воздействие конфессионального фактора на демографические процессы, Б. Н. Миронов приходит к выводу, что его влияние было значительным, но не всеобъемлющим. Главным регулятором демографических процессов являлись условия жизни⁶. Б. Н. Миронов также выявляет основные принципы национальной политики. По его мнению, во второй половине XIX в. происходит резкое изменение внутривнутриполитического курса по отношению к нерусскому населению: на смену традиционной толерантности приходит форсированная языковая и культурная интеграция. Это было связано как с ростом национальных движений, так и с потребностью в унификации государственного устройства.

В последнее время стали появляться исследования, посвященные проблемам реформирования церкви во второй половине XIX – начале XX в.⁷

Проблемам взаимоотношений религии и власти в России посвящена монография Л. А. Андреевой⁸. Анализируя период второй половины XIX – начала XX в., автор отмечает, что государство в лице монарха рассматривало православную церковь исключительно в качестве инструмента идеологической поддержки и обоснования своей власти. Именно с этим Л. А. Андреева и связывает основные проблемы православной церкви. По мнению Л. А. Андреевой в этот период обязанности церкви возрастали, а права сокращались. Невозможность самостоятельно решать внутренние проблемы, сопровождаемая усилившимся диктатом государства, приводила к дезорганизации церковного управления и разложению духовенства.

По-новому взглянуть на историю православной церкви во второй половине XIX – начале XX в. позволяет исследование Т. Г. Леонтьевой⁹. Сельские священники представляются автору той силой, которая при определенных условиях была способна внедрить в широкие массы населения идеалы гражданского общества и стать проводником модернизации. Однако этого не произошло, как считает Т. Г. Леонтьева, в первую очередь из-за того, что процесс освобождения духовенства был начат поздно и так и не завершился вплоть до 1917 г.

История православной церкви вызывает интерес и у региональных исследователей. С начала 1990-х гг. появилось много работ, посвященных проблемам отдельных церковно-административных образований¹⁰.

⁵ Миронов Б. Н. Социальное развитие России периода империи (XVIII – XX в.) СПб., 2000.

⁶ Миронов Б. Н. Указ. соч.

⁷ Римский С. В. Церковная реформа 60-70-х гг. XIX века // Отечественная история. 1995. № 2. С. 166-175; Церковная реформа Александра II // ВИ. 1996. № 4. С. 32-48.; Полунов А. Ю. Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III. М., 1996; Церковь, власть и общество в России (1880 – первая половина 1890-х гг.) // ВИ. 1997. № 11. С. 125-137.

⁸ Андреева Л. А. Религия и власть в России: Религиозные и квазирелигиозные доктрины как способ легитимизации политической власти в России. М., 2001.

⁹ Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство в России во второй половине XIX – начале XX в. М., 2002.

¹⁰ Васина С. М. Приходское духовенство Марийского края в XIX – начале XX в. Автореф. дисс. ... к. ист. н. Чебоксары, 2003; Мотыка И. И. Миссионерско-просветительская деятельность русской православной церкви среди мордвы во второй половине XVI – начале XX в. Автореф. дисс. ... к. ист. н. Саранск, 2002; Устьянцева О. Н. Томская епархия в конце XIX – начале XX в. Автореф. дисс. ... к. и. н. Кемерово, 2003; Храпова Н. Ю. Место и роль Алтайской духовной миссии в процессе колонизации и освоения Горного Алтая (1829 – 1905). Автореф.

При характеристике второго направления следует сразу же отметить, что в отечественной историографии отсутствуют специальные исследования конфессиональной политики. Она всегда рассматривалась в рамках национальной политики. Долгое время в отечественной историографии господствовал негативный взгляд на национальную политику государства. Изображение России "тюрьмой народов" и оценка миссионерской деятельности православной церкви, как реакционной и русификаторской стало привычной аксиомой в работах многих авторов¹¹. Только в последние десятилетия стали появляться исследования, где оценки национальной политики не столь однозначны¹². Помимо общероссийских исследований, существует большой круг работ, освещающий миссионерскую деятельность православной церкви в отдельных регионах России и за ее пределами, а также проблемы христианизации некоторых народов. Среди них, прежде всего, необходимо отметить работы самих миссионеров и церковных авторов¹³. К достоинствам этих исследований можно отнести их максимальную приближенность к делу миссии, подробное рассмотрение форм и методов миссионерской работы, степень участия в ней духовенства. Однако значительным недостатком является некритическое отношение к постановке миссионерского дела. Более взвешенный подход к данной проблеме наблюдается в работе А. С. Можаровского¹⁴. Наибольший вклад в изучение христианизации удмуртов внес П. Н. Луппов. Все его исследования, как фундаментальные работы, так и отдельные статьи, отличает объективность и высокая степень научной добросовестности¹⁵. Используя богатейший фактический материал, автор воссоздает полную картину христианизации и христианского просвещения удмуртов. Объективность П. Н. Луппова позволяет ему показать не только достижения этого процесса, но и его издержки, такие как использование силовых методов при крещении, преобладание формального подхода к делу миссии среди духовенства и, как следствие этого, недостаточно осознанное восприятие удмуртами православия.

В советский период исследователи большее внимание уделяли недостаткам христианизации, оценивая миссионерскую деятельность, как неудачную, насильственную и откровенно реакционную¹⁶. В 1990-е гг. появилось большое количество региональных исследований, в которых преобладали диаметрально противоположные взгляды на миссионерскую

дисс....к. ист. н. Томск, 1989; Бабушкина О. Ю. Приходское духовенство Южного Зауралья в 60-е гг. XIX – начале XX в. Автореф. дисс....к. ист. н. Курган, 2002.

¹¹ Церковь в истории России (IX в. – 1917 г.) Критические очерки М., 1967.

¹² Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // ВИ. 1995. № 9. С.42-56; Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX в.) // ВИ. 1996. № 11-12. 37-73.

¹³ Елабужский М. В защиту инородцев // ВЕВ. 1905. № 24; Пользование русским и вотским языком в деле просвещения вотяков // ВЕВ. 1902. № 11. С. 582-595; О новых изданиях на вотском языке // ВЕВ. 1906. № 17. С.584-590. Крекнин Ст. Вотяки Глазовского уезда и очерк христианской миссии среди них // ВЕВ. 1899. № 11. С. 542-563; № 13. С. 649-671. Кибардин Н. Из наблюдений инородческого миссионера над черемисами // ВЕВ. 1903. № 16. 696-702. Маракурин И. Из быта раскольников Глазовского уезда // ВЕВ. 1901. № 10. С. 570-575; Из жизни раскола // ВЕВ. 1902. № 6. С. 294-300; Раскол и сектанство в восточном районе Вятской епархии в 1814 г. // ВЕВ. 19015. № 40. С. 1193-1201. Шерстеников Д. О расколе в южной полосе Глазовского уезда // ВЕВ. 1902. № 7. С. 363-368. // Желобов М. История раскола в деревне Турек Уржумского уезда Вятской епархии // ВЕВ. 1897. № 14. С.706-716; № 15. С. 756-765 Тихвинский Ф. Турек и его значение в старообрядчестве // ВЕВ. 1897. № 8. С. 859-870. Фармаковский И. О первоначальном появлении раскола в Вятской епархии // ВЕВ. 1868. № 7. С. 76-88; № 8. С. 91-108.

¹⁴ Можаровский А. Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1867 г. Казань, 1870.

¹⁵ Луппов П. Н. Христианство у вотяков со времени первых известий о них до XIX в. Вятка, 1901; Луппов П. Н. Христианство у вотяков в первой половине XIX в. Вятка, 1911. Луппов П. Н. О первых вотских переводах источников христианского просвещения. Казань, 1905.; Луппов П. Н. Взгляд императора Николая I на меры к утверждению вотяков в христианстве // ВЕВ. 1906. № 37. С. 1422-1424; Луппов П. Н. Народное образование среди вотяков со времени первых известий о них до 1840 г. Вятка, 1898.

¹⁶ Маторин Н. Религия у народов Волго-Камского края. М., 1929; Никольский Н. В. История мари (черемис). Вып. 1. Казань, 1920; Ивонин Ю. М. Православие в Удмуртии. Ижевск, 1980; Старообрядцы и старообрядчество в Удмуртии. Ижевск, 1973; Попов Н. С. Православие в Марийском крае. Йошкар-Ола, 1987.

деятельность¹⁷. Более объективны на наш взгляд, исследования В. В. Макуриной¹⁸ и В. В. Машковцевой¹⁹. В этих работах авторами рассматриваются изменения в конфессиональной политике государства, а также формы и методы миссионерской деятельности. Большое значение в изучении миссионерской деятельности имеет работа Д. М. Макарова²⁰.

Значительный вклад в изучение православия в Удмуртии внес Е. Ф. Шумилов. Его монографии и статьи подробно освещают многие сферы деятельности православной церкви и в частности влияние православия на развитие культуры. В работе "Христианство в Удмуртии" автор рассматривает процесс христианизации как интеграцию удмуртов в христианское культурное пространство²¹. По мнению Е. Ф. Шумилова, православная миссия в Удмуртии достигла значительных успехов.

Отдельно хотелось бы отметить этнографические исследования, в которых традиционно большое место уделяется религии. В них нашли отражение специфические черты дохристианских верований и проблемы взаимодействия христианства, ислама и язычества²². Наиболее яркой и интересной представляется работа В. Е. Владыкина, в которой автор впервые воссоздает духовный мир удмуртов²³. Особый интерес представляет раздел, посвященный религиозному синкретизму, где автор показывает проникновение христианства в традиционные верования удмуртов. Однако, характеризуя миссионерскую деятельность в целом, В. Е. Владыкин оценивает ее как неудачную.

В этом же направлении можно рассматривать историографию Мултанского процесса. М. Г. Худяков в своих статьях, посвященных Мултанскому процессу, прямо обвиняет представителей духовенства в фабрикации и распространении слухов о возможности человеческих жертвоприношений²⁴. Ссылаясь на слова А. Ф. Кони, автор приходит к выводу о том, что обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев и министр внутренних дел Плеве активно поддерживали обвинение. О неблагоприятной роли православной церкви в этом процессе пишут и другие авторы²⁵. Так, А. А.

¹⁷ Князева О. Р. Миссионерская деятельность русской православной церкви в 1905 – 1917 гг. (на примере епархий Пермской губернии). Автореф.... к. ист. н. Пермь, 2000.; Деятельность русской православной церкви по "обрусению" инородцев-язычников в Пермской епархии в контексте государственной национальной политики (XIX – начало XX вв.) // Этнический фактор и политика. История и современность. Тезисы докладов Российской научно-практической конференции. Ижевск, 2000. С. 52-57.; Черных А. В. Деятельность Пермского комитета православного миссионерского общества по распространению православия среди язычников // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера (К 450-летию Преподобного Трифона, Вятского Чудотворца). Материалы международной научной конференции. Киров, 1996. С. 345-347.; Сергеев В. Д. Воспоминания митрополита Нестора – источник по изучению миссионерства на Северо-Востоке России // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера (К 450-летию Преподобного Трифона, Вятского Чудотворца). Материалы международной научной конференции. Киров, 1996. С. 482-486; Машковцев А. А. Миссионерская деятельность С. Громова среди Уржумских марийцев во второй половине XIX – начале XX в. // История и культура Волго-Вятского края (К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии) Тезисы докладов и сообщений к межрегиональной научной конференции. Киров, 1994. С. 192-193; Деятельность миссионеров среди марийцев Сарапульского и Елабужского уездов во второй половине XIX в. // История и культура Волго-Вятского края (К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии) Тезисы докладов и сообщений к межрегиональной научной конференции. Киров, 1994. С. 194-195.

¹⁸ Макурина В. В. Миссионерская деятельность русской православной церкви в Удмуртии во второй половине XIX – начале XX века. Автореф.... к. ист. н. СПб., 2002.

¹⁹ Машковцева В. В. Конфессиональная политика государства по отношению к старообрядцам во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Вятской губернии). Автореф.... к. ист. н. Ижевск, 2002.

²⁰ Макаров Д. М. Самодержавие и христианизация народов среднего Поволжья (XVI – XVIII вв.) Чебоксары, 2000.

²¹ Шумилов Е. Ф. Христианство в Удмуртии. Цивилизационные процессы и христианское искусство. XVI – начало XX века. Ижевск, 2001.

²² Татары. М., 2001; Народы Поволжья и Приуралья. М., 2000; Смирнов И. Н. Черемисы. Казань, 1889; Вотяки. Казань, 1890; Мухаметшин Ю. Г. Татары-кряшены. М., 1977.

²³ Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994.

²⁴ Политическое значение Мултанского дела и его отголосков в настоящее время // Советская этнография. 1932. № 1. С. 43-62.

²⁵ Шатенштейн Л. С. Мултанское дело. 1892-1896 гг. Ижевск, 1960; Ванюшев В. М. Мултанское дело и современный взгляд // Мултанское дело: история и современный взгляд: Материалы научно-практической конференции. Ижевск, 2000. С. 9-19.; Куликов К. И. Мултанский пси-фактор все еще действует // Мултанское дело: история и современный взгляд: Материалы научно-практической конференции. Ижевск, 2000. С. 125-128; Александров А. А. Сохраним благодарную память // Мултанское дело: история и современный взгляд: Материалы

Александров обвиняет церковь в том, что она не выступила на защиту мултанцев, а К. И. Куликов и В. М. Ванюшев, считают, что церковью создавалась обстановка нетерпимости к инаковерующим, в которой и стало возможно возникновение Мултанского дела. Иную точку зрения представляет Е. Ф. Шумилов²⁶. По его мнению, православная церковь не участвовала в подготовке и проведении Мултанского процесса. Более того, пишет Е. Ф. Шумилов, именно церковь являлась пострадавшей стороной, так возникновение этого дела указывало на неэффективность миссионерской деятельности среди удмуртов. На наш взгляд эти крайние точки зрения несколько упрощают позицию православной церкви в Мултанском деле.

В отечественной историографии под просветительской деятельностью православной церкви в основном понимается работа церкви в сфере образования, поэтому третье направление представлено главным образом работами, посвященными духовной школе. В дореволюционной историографии сложилось два взгляда на духовное образование. Первый представлен в основном церковными авторами, характеризующими духовное образование только положительно, например, работы И. В. Преображенского, П. Знаменского, О. Миропольского²⁷. Светские, особенно радикально настроенные авторы, относились к духовной школе с излишним критицизмом, считая ее тупиковой ветвью в развитии образования в России.

В советский период духовное образование оценивалось исключительно негативно. В современных исследованиях, рассматривающих проблемы образования в дореволюционной России, духовное образование затрагивается лишь фрагментарно²⁸. В исследованиях, посвященных собственно духовным школам, встречаются диаметрально противоположные оценки деятельности церкви в области образования. Так, в статьях А. В. Сушко и Е. А. Андреевой отмечается, что духовное образование в России находилось на небывалой высоте²⁹. Авторы практически не замечают существовавших в духовной школе недостатков. Противоположную позицию занимают В. К. Пинкевич и Т. Г. Леонтьева³⁰. Более объективной позиции придерживается А. И. Конюченко³¹. Автор выделяет три основных этапа в развитии духовного образования и отмечает, что, несмотря на все преобразования, к 1917 г. в духовной школе оставалось еще много нерешенных проблем. Краткая история духовной школы

научно-практической конференции. Ижевск, 2000. С. 35-35; Мартынова М. М. К вопросу о поведении Г. Е. Верещагина после Мултанского процесса // Мултанское дело: история и современный взгляд: Материалы научно-практической конференции. Ижевск, 2000. С. 33-35.

²⁶ Шумилов Е. Ф. Указ. соч.; Российское духовенство и Мултанский процесс // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера (К 450-летию Преподобного Трифона, Вятского Чудотворца). Материалы международной научной конференции. Киров, 1996. Т. 1.

²⁷ Преображенский И. В. Духовенство и народное образование. СПб., 1900. Знаменский П. Духовные школы в России до реформы 1808 г. Казань, 1881. Миропольский О. Очерк истории церковно-приходской школы от первого ее возникновения на Руси до настоящего времени. Вып. 3. Образование и школы на Руси в XV – XVII вв. СПб., 1895.

²⁸ Миронов Б. В. Век образования. М., 1999; Народное образование на Урале в XVIII – начале XX в. Свердловск, 1990; Сысоева В. К. Образовательная политика в России в 60-90-е гг. XIX в. // Педагогика. 1997. № 2. С. 99-105.; Полякова Н. В. Образовательная система пореформенной России: практика и исторический опыт // Социально-гуманитарные знания. 2001. № 2. С. 227-244.; Юрищева И. В. Состояние народного образования в России в начале XX в. // Преподавание истории в школе. 2002. № 2. С. 12-18.; Смирнов В. И. Педагогическое образование в России в начале XX в. // Педагогика. 2002. № 5. С. 70-76.

²⁹ Сушко А. В. Духовные семинарии в России (до 1917 г.) // ВИ. 1996. № 11-12. С. 107-114. Андреева Е. А. Епархиальные женские училища в России // Педагогика. 1999. № 3. С. 85-91.

³⁰ Пинкевич В. К. Церковь и государственная политика в отношении образования в конце XIX – начале XX в. // Государство, религия, церковь в России и зарубежом. 2001. № 3. С. 69-78. Леонтьева Т. Г. Православная культура и семинарский быт (конец XIX – начало XX) // Отечественная история. 2001. № 3. С. 170-178; Вера и бунт: духовенство в революционном обществе России начала XX в. // ВИ. 2001. № 1. С. 29-44.

³¹ Конюченко А. И. Духовное образование в Оренбургской епархии во второй половине XIX – начале XX в. Автореф. к. ист. н. Челябинск, 1996.

в XIX в. представлена в статье В. А. Федорова "Духовная православная школа"³².

История духовного образования в Удмуртии исследована мало. Применительно к рассматриваемому периоду о духовных школах, как составной части системы образования упоминают С. А. Даньшина³³ и А. Н. Кутявин³⁴, который считает, что православная церковь сыграла положительную роль в подготовке учительских кадров для школ Удмуртии. В работах Г. Д. Фроловой прослеживается развитие национальной школы в Удмуртии. Автор подробно рассматривает этапы становления удмуртской школы, касаясь и той роли, которую сыграла в этом православная церковь. Г. Д. Фролова считает, что национальные школы духовного ведомства были малоэффективными и не сыграли значительной роли в просвещении удмуртского населения, за исключением Карлыганской центральной школы³⁵. Интересной представляется статья Н. А. Зеткиной, где деятельность церкви в области национального образования рассматривается как один из этапов национального просветительства³⁶.

К четвертому направлению относятся работы, посвященные истории социальной работы в России. В работе М. В. Фирсова рассматриваются теоретико-методологические проблемы социальной работы и прослеживаются исторические этапы становления социальной работы в России и за рубежом³⁷. Однако, рассматривая деятельность государства и общественных организаций в социальной сфере, автор оставляет без внимания социальную работу церкви. Если до XVIII в. церковь была практически единственным социальным институтом занимавшимся в России призрением и благотворительностью, то позднее ситуация меняется. Становление государственной системы призрения и развитие общественных благотворительных организаций оттеснили церковь на второй план. Следствием этого и стало характерное для большинства исследователей невнимание к социальной деятельности церкви во второй половине XIX – начале XX в.³⁸ Исключение составляют лишь работы о трезвенническом движении, в которых авторы рассматривают и участие православной церкви³⁹.

Для большинства иностранных авторов характерно следование традициям дореволюционной отечественной историографии. Так, в работе Д. В. Поспеловского прослеживается развитие православной церкви на всем протяжении русской истории⁴⁰. По его мнению, введение системы Ильминского подняло православную миссию на небывалую прежде высоту. Смолич И. также считает, что главная сложность положения русской православной церкви

³² Федоров В. А. Духовная православная школа // Очерки русской культуры XIX в. Т. 3. М., 2001. С. 365-386.

³³ Даньшина С. А. Совершенствование системы управления народным образованием Вятской губернии во второй половине XIX в. Автореф. ... к. ист. н. Ижевск, 2001.

³⁴ Кутявин А.Н. Педагогическое образование в Удмуртии во второй половине XIX – начале XX в. // Из истории развития народного хозяйства и культуры Удмуртии в XIX – XX вв. Ижевск, 1990.

³⁵ Фролова Г.Д. Из истории удмуртской школы. Ижевск, 1971; Просветители удмуртского народа. Очерки развития педагогической мысли. Ижевск: Удмуртия, 1996; Национальная школа в Удмуртии до 1917 г. // Из истории народного образования в Удмуртии. Ижевск, 1996.

³⁶ Зеткина Н. А. Национальное просветительство Поволжья (вторая половина XIX – начало XX в.) // Педагогика. 2002. № 8. С. 61-66.

³⁷ Фирсов М. В. Введение в теоретические основы социальной работы (историко-понятийный аспект). М., 1997.

³⁸ См. например: Бобровников В. Г. Благотворительность и призрение в России. Волгоград, 2000.; Курманова Г. Д. Социальное призрение на Европейском Севере. Автореф.... к. ист. н. Сыктывкар, 2001; Булгакова Л.А. Из истории русской периодической печати: журнал «Призрение и благотворительность в России» 1912 – 1917 гг. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX – XX века. СПб., 1999. С. 409-433; Благотворительность в России. Социальные и исторические исследования. Сб. статей. СПб., 2001; Тевлина В. В. Социальная работа в России в конце XIX – начале XX в. // ВИ. № 1. 2002. С. 116-124.

³⁹ Протьюко Т. С. В борьбе за трезвость. Минск, 1988; Гусев Г. В. Социальная педагогика православной церкви (на примере трезвеннического движения в конце XIX – начале XX в.) // Педагогика. 1999. № 3. С. 92-96.

⁴⁰ Поспеловский Д. В. Православная церковь в истории Руси, России и СССР. М., 1996.

заклучалась в том, что, стремясь освободиться от вмешательства государства в свои внутренние дела, она хотела сохранить его поддержку⁴¹. В статье Г. Л. Фриза анализируются взаимоотношения церкви, власти и общества в начале XX века⁴². Для всех вышеуказанных работ характерен достаточно взвешенный и объективный подход, позволяющий показать достижения православной церкви, не закрывая глаза на существовавшие недостатки. В работе А. Каппелера впервые предпринимается попытка исследования Российской империи как многонационального государства⁴³. Как считает автор, в пореформенный период происходят значительные изменения в национальной и конфессиональной политике государства. Каппелер полагает, что, в отличие от предшествующего периода, во второй половине XIX в. в России берется курс на преодоления национального и конфессионального многообразия. Анализируя причины и результаты введения системы Н. И. Ильминского, А. Каппелер приходит к выводу, что, несмотря на свою миссионерскую направленность, она объективно способствовала пробуждению национального сознания у народов Поволжья. Привлекают внимание зарубежных ученых и региональные проблемы христианизации. Этой теме посвящены работы А. А. Знаменского "Шаманизм и христианство. Столкновение туземцев с русскими православными миссиями в Сибири и Аляске, 1820 – 1917"⁴⁴, Р. Гераси "Окно в Восток: национальная и имперская идентичность в познецарской России"⁴⁵ и П. Верта "На границе православия: миссия, управление и конфессиональная политика в Волго-Камском регионе России, 1827-1905"⁴⁶.

Подводя итоги историографического обзора, можно сделать вывод о том, что наиболее изученными аспектами социально-культурной деятельности православной церкви в Удмуртии является внешняя миссия и просвещение, тогда как другие сферы остаются в тени. Социальная работа православной церкви, конфессиональная составляющая демографических процессов еще не привлекали внимания исследователей. Кроме того, до сих пор отсутствуют обобщающие работы о духовном образовании в Удмуртии.

Цели и задачи исследования. Целью данной работы является исследование специфики социально-культурной деятельности православной церкви в Удмуртии во второй половине XIX – начале XX в. Исходя из поставленной цели, выделяются следующие исследовательские **задачи**:

- определить положение православной церкви в системе Российского государства и его региональные особенности и проанализировать этноконфессиональную структуру населения Удмуртии;
- выявить основные тенденции политики государства и церкви по отношению к нехристианским конфессиям и старообрядцам, а также показать трансформацию миссионерских структур, раскрыть формы, методы и результаты миссионерской деятельности;
- раскрыть основные направления социальной работы церкви;

⁴¹ Смолич И. История русской церкви 1700-1717 гг. Горький, 1983.

⁴² Фриз Г. Л. Церковь, религия и политическая культура на закате старой России // История СССР. 1991. № 2. С. 107-115.

⁴³ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000.

⁴⁴ Znamenski A. A. Shamanism and Christianity. Native Encounters with Russian Orthodox Missions in Siberia and Alaska, 1820 – 1917. Greenwood Press Westport, Connecticut – Lnd, 1999.

⁴⁵ Gerasi R. P. Window on East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. Itheca; London, 2001.

⁴⁶ Werth P. W. At the Margins of Orthodoxy: Mission, Governance and Confessional Politics in Russia's Volgo-Kama Region, 1827–1905. Itheca; London, 2001.

- определить способы влияния православной церкви на демографические процессы в Удмуртии;
- рассмотреть некоторые аспекты просветительской деятельности церкви и, в частности, исследовать структуру духовного образования, качественные и количественные характеристики учебных заведений.

Хронологические рамки исследования включают период с середины XIX в. до 1917 г. Нижний хронологический предел обусловлен коренным переустройством в русском обществе в результате реформ 1860-х гг., изменениями самого положения православной церкви и ее взаимоотношений с государством и обществом. Верхний хронологический рубеж определяется прекращением существования Российской империи и православной церкви как господствующей государственной идеологией.

Территориальные рамки исследования охватывают четыре уезда Вятской губернии: Глазовский, Сарапульский, Малмыжский и Елабужский. Применительно к периоду второй половины XIX – началу XX в. эти уезды традиционно рассматриваются исследователями как территория Удмуртии.

Источниковую базу исследования составляет комплекс опубликованных и неопубликованных источников. Это законодательные акты, архивные документы, справочные и статистические издания и материалы периодической печати. Первоочередное значение из опубликованных источников имеют законодательные акты, определяющие положение православной церкви в Российской империи и регулирующие отдельные сферы ее деятельности. Они изданы в Полном собрании законов Российской империи и включены в сборники церковного права⁴⁷. "Уложение об уголовных наказаниях" дает возможность выявить категории уголовно наказуемых деяний против православной веры и нравственности и меры ответственности, за них предусмотренные⁴⁸. Распоряжения центральной и местной духовной и светской власти по различным вопросам, указы Вятской духовной консистории и Сарапульского духовного правления позволяют выявить региональные особенности государственной политики. Важное значение имеют опубликованные в материалах Первой всероссийской переписи населения, статистических сборниках и периодической печати статистические сведения⁴⁹.

Большой интерес представляет опубликованная делопроизводственная документация. Это, в частности, отчеты Вятского комитета православного миссионерского общества, Сарапульского Вознесенского братства, Вятского братства Святителя и Чудотворца Николая. Результаты однодневной школьной переписи дают дополнительные материалы о церковно-приходских школах⁵⁰. Отчеты по содержанию уездных училищ и семинарии предоставляют информацию о поступлении и расходе средств, об учебных программах, о составе учителей, о численности и успеваемости учащихся. Основным источником о состоянии духовных школ служат ведомости о церковно-

⁴⁷ Суворов Н. Развитие церковного устройства. СПб., 1898.

⁴⁸ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885. СПб., 1913.

⁴⁹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Вятская губерния. Вятка, 1904; Вятская епархия. Историко-географическое и статистическое описание. Вятка, 1912; Материалы по статистике Вятской губернии. Т. I. Малмыжский уезд. М., 1886; Т. VI. Елабужский уезд. Вятка, 1890; Т. VII. Сарапульский уезд. Вятка, 1892; Т. VIII. Глазовский уезд. Вятка, 1893; Календари и памятные книжки Вятской губернии, Вятские епархиальные ведомости

⁵⁰ Однодневная перепись начальных школ Российской империи, произведенная 18 января 1911 г. Вып. 6. Казанский учебный округ. Губернии: Астраханская, Вятская, Казанская, Самарская, Саратовская и Симбирская. СПб., 1913 г.

приходских школах и школах грамоты епархии, публикуемые на страницах периодической печати.

Широко используются материалы периодической печати, в частности "Вятских епархиальных ведомостей", "Календарей и Памятных книжек Вятской губернии".

К числу опубликованных источников относится и сборник документов по этнополитической истории Волго-Уральского региона⁵¹. Он включает в себя материалы по самым разнообразным проблемам, таким как "Языческие верования марийцев и действия властей в XIX – начале XX вв.", "Мултанское дело" в Удмуртии: 1892-1896 гг." и некоторым другим.

Основой настоящего диссертационного исследования являются, прежде всего, комплексы архивных документов, сосредоточенные в Российском государственном историческом архиве (РГИА), Государственном архиве Кировской области (ГАКО) и Центральном государственном архиве Удмуртской Республики (ЦГА УР). Огромный материал по истории православной церкви находится в бывших фондах Синода. Особый интерес представляют документы Учебного комитета (ф. 802 РГИА) и Училищного совета (ф. 803 РГИА) при Синоде, из которых можно почерпнуть сведения об учебных заведениях духовного ведомства, сравнить отчеты семинарии и училищ с материалами ревизий.

Большое значение имеют материалы фонда Вятской духовной консистории (ф. 237 ГАКО), в частности журналы заседаний присутствия консистории, отчеты викарных епископов, переписка между консисторией и духовными правлениями, рапорты благочинных священников о состоянии церквей, духовенства и прихожан. Интересные данные содержатся в фонде канцелярии Вятского губернатора (ф. 582 ГАКО), например, секретная переписка между Вятским епископом и губернатором по проблемам миссионерской деятельности. В фонде Вятского комитета православного миссионерского общества (ф. 811 ГАКО) представлена вся делопроизводственная документация комитета: ходатайства об открытии школ, о выделении средств, о назначении и перемещении учителей, о выделении стипендий, отчеты о миссионерской деятельности духовенства.

Фонды Сарапульского (ф. 245 ЦГА УР) и Глазовского (ф. 134 ЦГА УР) духовных правлений содержат обширнейший материал обо всех сферах деятельности церкви. Здесь можно найти распоряжения епархиального начальства, переписку между правлениями и духовенством епархии, рапорты благочинных священников, отчеты миссионеров, дела о расторжении браков, о наложении церковных наказаний, о самоубийствах, прошения о назначении пособий, о вступлении в брак, о разводе и т. д.

Особой группой источников являются содержащиеся в фондах церквей (ф. 6, 29, 38, 48, 71, 341, 395 ЦГА УР) метрические книги о родившихся, бракосочетавшихся и умерших. На их основании можно получить данные о движении населения в отдельных приходах, о возрасте вступления в брак, о сезонности браков и рождений, о числе незаконнорожденных детей. Большой информативностью обладают и клировые ведомости. В них содержатся сведения о числе духовенства в приходе, о его образовательном уровне, о

⁵¹ Весна народов: этнополитическая история Волго-Уральского региона: Сборник документов / Под ред. К. Мацузато. Екатеринбург, 2002.

поощрениях и наказаниях, о составе семьи. Из клировых ведомостей также можно почерпнуть информацию о числе заштатных и сиротствующих лиц духовного звания, о размерах кружечных, ружных и других доходов духовенства, о численности и этноконфессиональном составе прихожан, об имеющихся в приходе учебных заведениях, библиотеках и о деятельности приходских попечительств. Таким образом, представленный комплекс опубликованных и неопубликованных источников позволяет разносторонне и объективно осветить социально-культурную деятельность православной церкви в Удмуртии во второй половине XIX – начале XX в.

Методологической основой исследования служит комплекс общенаучных и специальных методов. В данной работе были использованы принципы объективности и историзма. Применение методов анализа и синтеза, индукции и дедукции позволило проникнуть в глубь изучаемых явлений, выявить в них общее и частное, структурировать отдельные элементы в систему, сформулировать выводы и обобщения. Использование специально-научных методов, таких как историко-генетический и историко-сравнительный помогло проследить причинно-следственные связи между отдельными событиями, выявить логику развития явлений и провести сравнительное изучение различных процессов.

Научная новизна исследования состоит в том, что в данной работе впервые освещается социально-культурная деятельность православной церкви в Удмуртии во второй половине XIX – начале XX в. С привлечением значительного комплекса неопубликованных и опубликованных источников подробно рассматривается миссионерская деятельность православной церкви не только среди язычников, но и среди старообрядцев. В настоящей работе впервые исследуется степень влияния конфессионального фактора на демографические процессы в Удмуртии. Научная новизна данного исследования заключается еще и в том, что в нем впервые поднимаются такие проблемы, как социальное обеспечение духовенства, участие православной церкви в оказании материальной помощи нуждающимся, социально-нравственная работа церкви, а также большое внимание уделяется развитию духовного образования в Удмуртии.

Практическая значимость исследования. Данные, полученные в результате настоящего исследования, могут быть использованы при составлении учебных курсов, пособий, в работах по истории Русской православной церкви, истории Удмуртии и Волго-Уральского региона, а также в обобщающих трудах по демографии, культурологии и религиоведению.

Апробация работы. Диссертация обсуждена на заседании отдела истории Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН. Отдельные результаты исследования были представлены на одном международном симпозиуме, двух всероссийских, десяти региональных и трех республиканских научных конференциях. Основные положения диссертации изложены в шестнадцати публикациях автора. Материалы исследования использованы при подготовке раздела коллективной монографии "История Удмуртии".

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, дается источниковедческий и историографический обзор, формулируются цель и задачи исследования, определяется степень научной новизны и практическая значимость работы.

Первая глава "Положение православной церкви и ее влияние на социально-демографические процессы в Удмуртии" состоит из трех параграфов. В первом параграфе выявляются общие черты развития русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX в. Во второй половине XIX в. положение православной церкви в государстве значительно изменилось. В дополнение к общегосударственным реформам церковные и светские власти провели в 1860-1870-х гг. церковную реформу. Эти преобразования расширили сферу компетенции местного церковного руководства, ликвидировали сословный статус духовенства, усилили степень влияния церкви на общественную жизнь. Однако в ходе реформ не удалось решить проблему материального обеспечения сельского духовенства и уменьшить бюрократизм и формализм в церковной жизни. Православная церковь по-прежнему оставалась инструментом государственной политики. Вся Россия в церковно-административном отношении делилась на округа – епархии, границы которых, совпадали с губернскими. В рассматриваемый период Удмуртия являлась составной частью Вятской епархии. Управление епархиями осуществлялось через епархиальных архиереев и духовные консистории. Во второй половине XIX – начале XX в. в Удмуртии росла численность духовенства, и увеличивалось количество православных храмов. С 1857 г. до 1908 г. число православных храмов в Удмуртии возросло с 278 до 463. Тем не менее, этого было недостаточно. Одна православная церковь в Удмуртии обслуживала в среднем по 4173 чел. православного населения, в т. ч. в Глазовском уезде – 3195 чел., в Елабужском уезде – 4010 чел., в Малмыжском уезде – 4254 чел. и в Сарапульском – 5233 чел. Высокая численность населения в приходе и материальная зависимость духовенства от прихожан существенно затрудняла ведение социально-культурной деятельности.

Во втором параграфе раскрывается степень влияния православной церкви на демографические процессы. Ко второй половине XIX в. православной церкви удалось добиться того, что для русского населения законным являлся только брак, освященный в церкви. У нерусского населения Удмуртии отношение к церковному браку было несколько иным. На протяжении всего столетия сводное сожителство оставалось одним из наиболее часто встречающихся прегрешений нерусского населения против христианской веры и нравственности. В 1899 г. в Удмуртии насчитывалось около 1700 пар, живущих не венчанными (в Глазовском уезде – 93, в Малмыжском – 482, в Елабужском – 581 и в Сарапульском – 538). Для искоренения сводных сожителств духовенство проводило беседы с населением и убеждало пары, живущие без церковного благословения, повенчаться. Если не помогали уговоры, духовенство имело право прибегнуть к более жестким мерам. На основании ст. 997 гл.4 отд.1 (действовала до 1902 г.) Уложения о наказаниях за незаконное сожителство виновных подвергали церковному покаянию.

Духовенству также разрешалось прибегать к помощи полиции при возвращении девиц, живущих без брака, в дом их родителей. Кроме того, Вятская духовная консистория неоднократно пыталась сократить расходы нерусского населения на оплату венчания.

Церковью строго контролировался возраст вступления в брак, который составлял у мужчин 18 лет и у женщин 16. Вступление в брак ранее установленного возраста было возможно только с разрешения епархиального начальства. Всего в Удмуртии конца XIX в. в возрасте до 17 лет состояло в браке, овдовело или развелось 57 мужчин и 236 женщин, при этом в возрасте до 15 лет было всего 36 женщин

Православная церковь оказывала влияние и на сезонность браков. В течение года браки распределялись неравномерно. В соответствии с церковными ограничениями в марте и декабре браки не должны заключаться, а для апреля, июня и августа должно быть характерно небольшое количество браков, что и наблюдается на примере Удмуртии. Частые колебания числа венчаний в феврале связаны с переходящим характером Великого поста, который мог начинаться и в феврале, и в марте. Сезонность браков опосредованно влияла и на сезонность рождений.

Православная церковь отрицательно относилась к расторжению брака. В России официальный развод был возможен только с санкции духовного суда и при самом строгом соблюдении требований к основаниям развода. Но даже развод на законных основаниях был сильно затруднен. Подобные сложности, сопряженные к тому же с дорогостоящей перепиской, делали процедуру развода недоступной для основной массы крестьян. За период с 1896 по 1904 г. Сарапульским духовным правлением было рассмотрено 35 дел о разводе, в подавляющем большинстве основной причиной для официального развода являлись уголовные наказания одного из супругов. На материалах Вятской епархии видно, что число разведенных у православного населения значительно меньше числа разведенных представителей других конфессий.

В третьем параграфе рассматриваются основные направления социальной работы православной церкви. С развитием гражданской системы помощи и благотворительности социальная работа церкви постепенно приобретает вспомогательный характер. Определенное оживление социальной деятельности церкви начинается в период реформ 60-х гг. Издание в 1864 г. "Положения о православных церковных братствах" и "Положения о церковно-приходских попечительствах" позволило духовенству более деятельно включиться в общественную жизнь страны. Однако подлинный расцвет социальной активности церкви начинается в 1880-х гг. В этот период учреждаются новые церковные братства, устраиваются библиотеки при церкви, растет число церковных изданий и духовных благотворительных учреждений.

Деятельность церкви по попечению о бедных духовного звания строилась в русле государственной политики. В 1823 г. на основании указа от 12 августа было создано Попечительство о бедных духовного звания. Отделения попечительства действовали в каждой епархии. Задачами этого попечительства являлись: рассмотрение прошений и назначение пособий заштатным вдовам и сиротам, решение дел о наследстве, назначение попечителей и опекунов, прикрепление к церквям оставшихся без средств к существованию лиц

духовного звания. В 1881 г. пособия были выданы 1629 чел. Максимальная сумма ежегодного пособия составляла 120 руб., минимальная – 6 руб., в среднем же пособия выплачивались в размере 30 руб.

Очень часто дети умерших служителей церкви обучались в духовных учебных заведениях за счет средств епархии. Помимо сирот, на епархиальные средства обучались дети из многодетных и малообеспеченных семей. В 1915 г. из 577 учениц Елабужского епархиального женского училища на полном епархиальном содержании находилось 54 ученицы, на половинном – 14. Кроме того дочери бедных крестьян и мещан платили за содержание в общежитии уменьшенный взнос – 100 руб. вместо 205. Разница оплачивалась за счет средств епархии. В Сарапульском духовном училище за счет средств епархии в 1908 г. содержалось 17 учеников. Такая же практика существовала и в других духовных учебных заведениях. В начале XX в. практически во всех духовных учебных заведениях Вятской епархии стали открываться братства для вспомоществования нуждающимся учащимся.

Для материального обеспечения духовенства Вятской епархии в 1890 г. была создана эмеритальная касса. Эмеритальная касса выплачивала дополнительные пенсии всем своим членам, в зависимости от суммы взносов. В 1906 г. было открыто специальное отделение эмеритальной кассы – погребальная касса. Через эту кассу выплачивалось погребальное пособие всем участникам, в соответствии с суммой взносов. В среднем на одну семью выделялось 202 руб. 95 коп. Еще одним средством материального обеспечения нуждающегося духовенства стала, созданная в 1911 г. ссудная касса. Ссуды предоставлялись по прошению, подтвержденному благочинным, под 5 % годовых.

Вся описанная выше социальная деятельность была направлена, прежде всего, на само духовенство и членов их семей. Что касается социальной работы среди остального населения, то участие церкви в ней было в основном ограничено помощью в сборе и распределении средств. Сбор денег производился обычно посредством установки в церквях специальных кружечек "на помощь голодающим", "на помощь пострадавшим от неурожаев", "на помощь раненым воинам", "на помощь солдатским семьям", "на помощь слепым" и т. д. Духовенство в проповедях было обязано призывать прихожан к пожертвованиям. По истечении определенного срока деньги из этих кружечек вынимались и отправлялись через благочинных епархиальному начальству. Другим способом сбора средств были подписные листы.

Приоритетным направлением социально-нравственной работы церкви была борьба с пьянством. Борьба эта велась обычными и привычными способами – молитвой и проповедями. Воспринимая пьянство, прежде всего как нравственное зло, церковь для его искоренения старалась воздействовать на душу. Однако эта работа не всегда приносила ожидаемые плоды. Особенно активно борьба с пьянством стала разворачиваться в 1890-е гг. В приходах повсеместно стали организовываться общества трезвости. Члены общества должны были соблюдать обет воздержания от спиртных напитков и всячески пытаться удерживать других от употребления алкоголя. Дальнейшая деятельность общества во многом зависела от инициативы его руководителя – местного священника. Составной частью трезвеннического движения в

Удмуртии являлась борьба с кумышковарением. Здесь духовенство занимало непримиримую позицию, так как кумышка воспринималась как ритуальный языческий напиток. Подлинный расцвет движения за трезвость начинается только в 1914 г. с введением "сухого закона".

Вторая глава "Миссионерская деятельность православной церкви" состоит из трех параграфов. В первом параграфе раскрываются основные направления конфессиональной политики по отношению к нехристианским народам и старообрядцам. В пореформенный период перед правительством стала задача унификации государственного устройства, в том числе и путем нивелирования языковых, культурных и религиозных различий. Начиная с 60-х гг. XIX в. в России наблюдается постепенный отход от сложившегося прежде терпимого отношения к нехристианским конфессиям. Государство и православная церковь начинают проявлять большую активность в деле христианизации. В этот период христианизация понималась, прежде всего, как просвещение, поэтому главной задачей внешней миссии в пределах России являлось распространение среди новокрещеных знания основ православного вероучения. Общая либерализация внутренней политики способствовала тому, что энергичная миссионерская деятельность духовенства не сопровождалась, как это часто бывало ранее, мерами административного принуждения.

В 80-90-е гг. XIX в. правительственный курс по отношению к инаковерующим ужесточается. Рост общественно-политического движения в сочетании с национальным казался угрозой существующему строю. Поэтому для правительства возвышение православной церкви и конфессиональное единообразие представлялось в этот период единственным гарантом стабильности в стране. В это время начинается форсированная христианизация и русификация населения. Этот процесс натолкнулся на сильное сопротивление, связанное с подъемом национального движения. Все возрастающее индифферентное отношение населения к православию не позволило церкви полноценно выполнять возложенные на нее государством охранительные функции. В религиозном вопросе власти предоставляли церкви ведущую роль, отводя административным органам преимущественно место помощника в случаях возможного насилия со стороны населения. Результатом подобной миссионерской деятельности было, например, массовое крещение бурят с применением вооруженной силы в 1891 г. Усилилось преследование крещеных «иноверцев» за приверженность к языческим обрядам. Апофеозом религиозных гонений против неправославного населения национальных районов стало печально известное Мултанское дело.

Вступивший на престол Николай II первоначально продолжал политику своего отца. Но общественно-политическая ситуация начала XX в. заставила государство предпринять определенные шаги по изменению и конфессиональной политики. Весной 1905 г. был издан императорский указ «Об укреплении начал веротерпимости» и одноименное "Положение" от 17 апреля 1905 г. В п. 1.3 этого документа было разрешено возвращение из православия в другие конфессии. После издания "Положения" во многих губерниях империи начался массовый переход населения из православия в католичество, ислам и язычество. Подробный механизм такого перехода был совершенно не разработан, власти на местах сталкивались с большими

трудностями. От центральной власти ожидали дальнейшего законотворчества и разрешения возникших затруднений. Но до 1917 г. существенных изменений в российском законодательстве по конфессиональным вопросам не произошло.

Политика государства по отношению к расколу на протяжении всего рассматриваемого периода также неоднократно изменялась. В царствование Александра II гонения на раскол прекратились. Утвержденные в 1864 г. «Правила» легализовали значительную часть старообрядческих толков. Были признаны имеющими юридическую силу старообрядческие метрические записи рождений, брака и смерти. Старообрядцам позволялось заниматься иконописанием, учреждать свои школы грамотности, занимать некоторые общественные должности. Но эти права не распространялись на старообрядческие толки, признанные «вредными» («бегуны», хлысты, скопцы), отрицавшие не только церковную, но и светскую власть. В 1880-е гг. продолжалась работа по смягчению положения старообрядцев. Законом от 3 мая 1883 г. старообрядцам было разрешено занимать общественные должности, заниматься промышленно-торговой деятельностью и получать паспорта на общих основаниях. Однако им по-прежнему было запрещено устраивать крестные ходы и распространять свое учение среди православных. Законами 1905 – 1906 г. старообрядцы были практически полностью уравнены в правах с православным населением.

Во втором параграфе анализируется этноконфессиональная структура населения Удмуртии. Специфика включения Удмуртии в состав Русского государства и особенности ее геополитического положения обусловили складывание на ее территории различных этноконфессиональных групп. Помимо представителей трех самых крупных конфессий: православия, ислама и старообрядчества, на этой территории проживали члены еще четырех религиозных общин – язычники (0,58 %), иудеи (0,04 %), протестанты (0,02 %) и католики (0,01 %). Православные составляли подавляющее большинство – 85,66 % населения Удмуртии. Практически ни одна из религиозных общин не была мононациональной. Особенно разнообразным был национальный состав православного населения, в который помимо русских, входили удмурты, марийцы, крещеные татары и бесермяне. Несмотря на то, что, к середине XIX в. история христианизации удмуртов и марийцев насчитывала около трехсот лет, они в большинстве своем были православными формально. Достаточно многочисленной была старообрядческая община (4,87 %). Будучи абсолютно мононациональной, она, тем не менее, не обладала религиозной однородностью. Среди старообрядческих толков в Удмуртии существовали две основные категории: поповцы (принимавшие священство) – 59 % и беспоповцы (отвергающие священство) – 41 %. Каждая категория, в свою очередь, делилась на множество согласий. Второй по численности и самой крупной среди нехристианских конфессий в Удмуртии была исламская община (8,78 %). Эта конфессия была в основном представлена татарским и башкирским населением.

В третьем параграфе рассматриваются методы и результаты миссионерской деятельности православной церкви. К 1850 г. в Вятской епархии сложилась четкая вертикальная структура, занимающаяся

миссионерской деятельностью. Руководство этой работой в русле общегосударственных тенденций осуществлялось Вятским епископом и епархиальными инородческим и противораскольническим миссионерами. Вся епархия была разделена на миссионерские округа во главе с окружными миссионерами. Кроме того, благочинные священники также отвечали за миссионерскую работу на подведомственной территории. Практическим же осуществлением миссионерской деятельности занимались окружные миссионеры совместно с приходским духовенством. В 70-е гг. XIX в., в связи с оживлением у государства и церкви интереса к миссионерству, в структуре миссии происходят значительные изменения. Вятский комитет православного миссионерского общества был открыт 28 мая 1870 г. Активизируется и деятельность внутренней миссии. В 1882 г. было создано Братство Святителя и Чудотворца Николая, деятельность которого была сосредоточена на открытии и поддержании школ подготовки деятелей для борьбы с расколом по всей епархии. В 1892 г. было создано православное Братство при Сарапульском Вознесенском соборе. Главной задачей братства являлось содействие инородческой и противораскольничьей миссии и распространение христианского просвещения. В ведение Братства были переданы все церковно-приходские школы Сарапульского, Малмыжского и Елабужского уездов. Кроме содержания школ, Братство устраивало религиозно-нравственные чтения, распространяло книги, иконы и крестики, открывало библиотеки.

Деятельность внутренней миссии в Удмуртии была сосредоточена, во-первых, на присоединении к официальной церкви раскольников и, во-вторых, на предотвращении перехода православных в раскол. Для этого духовенством предпринимались следующие меры: поездки миссионеров по территориям, «зараженным» расколом, проведением там богослужений и бесед; произнесение в церквях проповедей и поучений, направленных против раскола и сектанства; устройство миссионерских курсов и съездов; распространение литературы противораскольничьего содержания, диспуты с раскольниками; открытие школ Братства Св. Николая; публикации против раскола в печати. Поездки по селам и деревням совершали обычно епархиальные миссионеры, а благочинные чаще всего ограничивались беседами и проповедями в своем селе.

Деятельность внешней миссии православной церкви в Удмуртии осуществлялась в двух направлениях: первое – крещение оставшихся язычников и второе – утверждение крещеных в православной вере. Работа духовенства по крещению язычников, ввиду их небольшого количества, не была уже столь активной как в предыдущий период. Число крестившихся язычников в целом по Удмуртии, за редким исключением, не превышало несколько десятков человек в год. Для искоренения остатков язычества среди населения духовенству рекомендовались следующие меры: проведение бесед с разъяснением основ христианской веры; внебогослужебное чтение религиозно-нравственной литературы, как на русском языке, так и на родном языке своих прихожан; замена языческих молений православными молебнами; уничтожение воршудов, молельных шалашей и священных рощ; выявление и изоляция языческих жрецов; искоренение сводных сожительства и т.п.

Постановка миссионерского дела была значительно улучшена после издания в 1885 г. нового "Положения о духовенстве". Согласно этому

положению разрешалось назначать священниками лиц без специального образования и привлекать к противораскольнической и противосектанской работе мирян. Издание положения позволило увеличить, хотя и незначительно, число нерусских священников, во многих приходах появляются должности книгонош и помощников миссионеров. К 1916 г. в Удмуртии насчитывалось уже 6 официальных помощников миссионеров из числа крестьян.

Внедрение христианской веры не везде проходило гладко. Иногда, чаще всего при уничтожении священных роц, духовенство встречалось с открытым сопротивлением населения. Тем не менее, в начале XX в., в результате миссионерской деятельности православной церкви часть удмуртов и марийцев начинает вполне сознательно усваивать основы христианской веры и нравственности. По сообщению благочинных священников религиозно-нравственное состояние прихожан-удмуртов находилось на достаточно высоком уровне. Некоторые особенно религиозные крестьяне-удмурты совершали паломничество к святым местам.

Однако, несмотря на многовековые усилия духовенства, религиозное состояние большей части нерусского населения представляло собой причудливое сочетание язычества и христианства. Миссионеры и благочинные обычно характеризовали своих прихожан удмуртов и марийцев, как "двоеверов". Часто случалось, что христианские праздники отмечали и крещеные и некрещеные, при этом празднование, начинаясь в церкви, заканчивалось обычно языческими жертвоприношениями. Окончательной победы над язычеством так и не произошло. Новой и существенной помехой в работе внешней и внутренней миссии в начале XX в. становился все более распространяющийся среди населения религиозный индифферентизм.

Третья глава "Культурно-просветительская деятельность православной церкви" состоит из двух параграфов. В первом параграфе рассматривается система духовного образования в Удмуртии. Реформы 60-х гг. XIX в. заметно повлияли на развитие духовного образования. Изданное 14 мая 1864 г. Положение о начальных народных училищах стимулировало открытие новых церковно-приходских школ. 14 мая 1867 г. вступили в силу новые штаты и уставы семинарий и училищ. Для того чтобы можно было готовить выпускников, способных совмещать пастырскую деятельность с учительством в программу семинарий вводилась педагогика.

В 1884 г. были утверждены "Правила о церковно-приходских школах. В штаты многих церквей, специально для преподавания в школах, вводятся ставки дьяконов. В октябре 1884 г. был учрежден Вятский губернский епархиальный училищный совет. Церковные школы и школы грамоты были изъяты из ведения училищных советов и вместе со школами Вятского комитета православного миссионерского общества и противораскольническими братскими школами были переданы в управление духовенству епархии. В 1884 г. в ведении Вятского епархиального училищного совета состояло 90 церковно-приходских школ и 23 школы грамоты, в 1888 г. их количество увеличилось почти в полтора раза. Выросло и число учащихся, которых всего по епархии было – 9396 человек, в том числе удмуртов – 830 человек. Средняя стоимость содержания одной церковно-приходской школы составляла 146 рублей 56 коп., школы грамоты – 47 рублей 95 коп., земской – 658 рублей 74 коп.,

министерской – 1200 рублей. Для подготовки учителей для школ грамоты и одноклассных церковно-приходских школ открывались второклассные церковные учительские школы.

Помимо обычных церковно-приходских школ и школ грамоты, предназначенные для русского населения, в ведении духовенства находились и национальные школы. Эти школы начинают открываться с 1870 г. Это связано с утверждением “Главных начал, на которых должна быть устроена на будущее время система образования инородцев” Н. И. Ильминского и созданием Православного миссионерского общества. В 1902 г. на содержании миссионерского общества находилось 37 школ, в которых обучалось 1381 человек, в т. ч. 1110 мальчиков и 271 девочка. При этом татары составляли 38% от общего числа учащихся, удмурты – 32 %, русские – 15 %, марийцы – 10 % и бесермяне – 6%.

Женское духовное образование было представлено двумя женскими епархиальными училищами в Вятке и Елабуге, а также женскими и смешанными церковно-приходскими школами. В 1898 г. было открыто второе женское епархиальное училище в г. Елабуге. Предназначалось оно для обучения дочерей духовенства Сарапульского викариатства, для которых Вятское училище было недоступно в силу удаленности и дороговизны. Программа епархиального училища соответствовала программе среднего учебного заведения. Выпускницы получали свидетельство на право преподавания и могли работать в школах любого ведомства.

Уездные духовные училища предназначались для подготовки младших членов причта и обеспечивали неполное среднее богословское образование. На территории Удмуртии действовали три духовных училища в гг. Сарапуле, Глазове и Елабуге.

Учебного заведения, обеспечивающего полное среднее духовное образование, в Удмуртии не существовало. Единственное учебное заведение такого типа в епархии – духовная семинария находилась в Вятке. Программа семинарии была рассчитана на шесть лет, за первые четыре года учащиеся проходили гимназический курс, а два последних года посвящались богословским наукам.

Во втором параграфе раскрываются основные направления просветительской деятельности православной церкви в Удмуртии. Просвещение традиционно трактовалось православной церковью, как распространение среди населения христианской веры и нравственности. В рамки такого понятия о просвещении церковью включалась и образовательная деятельность духовенства и распространение практических знаний.

Одним из основных направлений работы православной церкви по просвещению коренного населения Удмуртии была деятельность по переводу богослужебных книг и религиозно-нравственной литературы на национальные языки, в том числе и удмуртский. В 1860-1870-х гг. с одобрения Св. Синода, Н. И. Ильминским была разработана и издана методика переводов религиозно-нравственной литературы на ряд языков народов России. Созданное им братство Св. Гурия возглавило и организовало переводческую и издательскую деятельность на территории всего Волго-Уральского региона. Специально для этой работы в 1875 г. при братстве Св. Гурия была создана Переводческая

комиссия. Помимо книг религиозно- нравственного содержания в Казани выпускалась и учебная литература, брошюры медицинского и педагогического характера. К 1910 г. Переводческой комиссией было подготовлено и напечатано 40 изданий на языках народов Урало-Поволжья.

Приходские священники занимались не только обучением населения и переводом христианских книг на местные языки, они, по существу, были и первыми историками и этнографами края. Практически в каждой из церквей существовала летопись, где подробно описывалась история села. Духовенство обязано было собирать и описывать все предметы старины в пределах своего прихода. В 1909 г. для экспонирования подобных вещей был создан церковно-археологический музей. Среди этнографических трудов священников необходимо отметить работы Г. Верещагина, И. Васильева, Б. Гаврилова, А. Филимонова, Н. Блинова, С. Крекнина, Н. Кибардина, М. Елабужского. Духовенство активно принимало участие в работе Вятского губернского статистического комитета, Русского географического общества.

Еще одним направлением просветительской деятельности церкви было открытие библиотек. В конце XIX в. при приходских церквях стали появляться книжные склады и бесплатные библиотеки, где имелись издания религиозно-нравственного содержания не только на русском языке, но и на языках других народов епархии. В 1895 г. в Сарапуле на средства Вознесенского братства открылась бесплатная народная библиотека-читальня. К 1909 г. на территории епархии действовало уже 617 библиотек, из них при приходских церквях – 589 и 28 в благочиннических округах. В 1914 г. открывается библиотека-читальня елабужского духовенства.

Духовенство занималось распространением и сельскохозяйственных знаний. Сельские священники централизованно обеспечивались народными лечебниками, сельскохозяйственной литературой, брошюрами с практическими наставлениями для просвещения крестьян и оказания им помощи. И действительно многие священники пытались познакомить крестьян с передовым опытом ведения хозяйства. Приходское духовенство часто становилось организатором сельскохозяйственных и потребительских обществ.

Кроме того, священники и члены причта, будучи нередко единственными образованными людьми на территории прихода, должны были вести работу по распространению санитарно-гигиенических знаний. На страницах Вятских епархиальных ведомостей неоднократно публиковались заметки, посвященные деятельности духовенства во время эпидемий и борьбе с болезнями. Некоторые приходские священники и сами занимались врачебной практикой.

В заключении подведены итоги диссертационного исследования и сформулированы общие выводы. В целом положение православной церкви в Удмуртии соответствовало общему положению православной церкви как господствующей в России конфессии. Однако Удмуртия являлась весьма специфичным регионом с мозаичной этноконфессиональной структурой населения. Помимо представителей трех самых крупных конфессий: православия, ислама и старообрядчества, на этой территории проживали члены еще четырех религиозных общин. Еще более разнообразным был национальный состав, включавший в себя более 12 национальностей и этнических групп. Проводимая в предшествующий период усиленная

христианизация привела к тому, что подавляющее большинство нерусского населения официально исповедывала православие. Однако в религиозной жизни новокрещеных оставалось еще много языческих пережитков. В связи с этим наиболее яркой специфической чертой Удмуртии являлось то, что социально-культурная деятельность православной церкви осуществлялась в условиях присутствия значительного нерусского и неправославного компонента. Поэтому совершенно естественно то большое значение, которое имела в этих условиях миссионерская деятельность.

Православная миссия в Удмуртии в целом достигла положительных результатов, хотя и не смогла выполнить своих основных задач – ликвидации раскола и язычества. Но на наш взгляд эти задачи были изначально не выполнимы, так как добиться полного конфессионального единообразия в условиях второй половины XIX – начала XX в. было просто невозможно. Тем не менее, православной церкви удалось достичь того, что подавляющее большинство населения Удмуртии официально считалось православным, и православие действительно оказывало значительное влияние на все стороны жизни общества. Одним из показателей большого значения православия в Удмуртии является его влияние на демографические процессы. Под влиянием православного вероучения складывались семейно-брачные отношения не только у русских, но и у других народов, затронутых влиянием христианства. Будучи государственной религией Российской империи, православие достигло того, что церковные установления в сфере семейных отношений приобрели статус законов.

Одним из интересных, но малоизученных аспектов социально-культурной деятельности православной церкви в Удмуртии является социальная работа. Церковью было не мало сделано по пенсионному обеспечению духовенства и членов их семей. Для ухода за престарелыми представителями духовенства и членами их семей в епархии была организована богадельня. В духовных учебных заведениях Удмуртии развиваются разнообразные формы помощи нуждающимся учащимся. Что касается социальной работы среди населения, то здесь успехи православной церкви не бросаются в глаза. Это во многом объясняется существенной разницей в подходе к решению социальных проблем. Для православной церкви на первом месте всегда стояли проблемы духа, поэтому для решения социальных проблем она чаще всего предлагала религиозно-нравственные средства, что особенно ярко видно на примере борьбы с пьянством.

Наиболее успешной сферой социально-культурной деятельности православной церкви было духовное образование. В духовных учебных заведениях преподавался широкий круг общеобразовательных и богословских предметов, и из них выходили разносторонне образованные люди. Активно стало развивать и женское образование. Школы духовного ведомства сыграли большую роль в распространения начального и среднего образования среди населения Удмуртии. Уничтожение сословности духовных учебных заведений позволило увеличить приток образованных кадров во все сферы общества.

Просветительская деятельность православной церкви в Удмуртии развивалась в нескольких направлениях. Приоритетным для духовенства являлось распространение христианских знаний среди населения. Наиболее

заметной, в рамках этого направления была переводческая деятельности церкви. Перевод религиозно-нравственной литературы и проведение богослужений на языках нерусского населения Удмуртии, способствовало не только лучшему усвоению христианства, но и становлению языкознания. Переводческая деятельность духовенства, наряду с функционированием миссионерских школ, создавала предпосылки для формирования национальной интеллигенции. Необходимость христианского просвещения населения заставляла духовенство пристально изучать историю, мировоззрение и быт своих прихожан и способствовала накоплению исторических и этнографических знаний.

**Основные положения и выводы диссертации отражены в
следующих опубликованных работах автора:**

1. Берестова Е. М. Государственная поддержка миссионерской деятельности церкви // Российское государство: прошлое, настоящее и будущее: Материалы IV научной конференции. Ижевск, 1999. С.35-37
2. Берестова Е. М. Материалы «Вятских епархиальных ведомостей» как источник для изучения миссионерской деятельности церкви // Тезисы докладов 4-й Российской университетско-академической научно-практической конференции. Ижевск, 1999. С.16-17.
3. Берестова Е. М. Духовное образование в Сарапульском викариатстве (конец XIX – начало XX в.) // Третья Уральская историко-педагогическая конференция. Екатеринбург, 1999. С. 51-52.
4. Берестова Е. М. Просветительская деятельность православной церкви в Вятской епархии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Российское государство: прошлое, настоящее и будущее: Материалы V научной конференции. Ижевск, 2000. С.75-77.
5. Берестова Е. М. Роль миссионерских школ в просвещении коренного населения Вятской епархии. // Материалы республиканской научно-практической конференции «Христианство в истории и культуре Удмуртии». Ижевск, 2000. С. 33-36
6. Берестова Е. М. Участие коренного населения Вятской епархии в миссионерской работе // Материалы Всероссийской научной конференции «Историческая наука на пороге третьего тысячелетия». Тюмень, 2000. С. 29-30.
7. Берестова Е. М. Конфессиональная политика государства и церкви по отношению к народам Урало-Поволжья // Материалы Всероссийской научной конференции «Урал на пороге третьего тысячелетия». Екатеринбург, 2000. С. 60-62.
8. Берестова Е. М. Культурно-просветительская деятельность духовенства Вятской епархии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Тезисы докладов международного симпозиума «Православие и культура этноса». Москва, 2000. С.41-42
9. Берестова Е. М. Духовное образование в Сарапульском викариатстве (по документам Сарапульского духовного правления) // Научный потенциал Удмуртской республики: прошлое, настоящее, будущее: Материалы

- республиканской научной конференции «Ученые республики к 80-летию государственности Удмуртии». Ижевск, 2001. С. 151-153.
10. Берестова Е. М. Культурно-просветительская деятельность православной церкви среди удмуртов во второй половине XIX в. // Проблемы экономической и социально-политической истории Удмуртии: Сборник статей. Ижевск, 2001. С. 118 - 137.
 11. Берестова Е. М. Борьба духовенства Вятской епархии с язычеством в середине XIX в. // Материальная и духовная культура народов Поволжья и Урала: история и современность: Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Г. Е. Верещагина. Глазов, 2001. С. 101-103.
 12. Берестова Е. М. Роль православной церкви в просвещении коренного населения Вятского края (вторая половина XIX – начало XX в.) // Современные социально-политические технологии в сфере развития межрегиональных связей: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ижевск, 2002. С. 110-111.
 13. Берестова Е. М. Влияние православной церкви на семейно-брачные отношения в Удмуртии (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Материальная и духовная культура народов Поволжья и Урала: история и современность: Материалы региональной научно-практической конференции к 50-летию ГГПИ. Глазов, 2002. С. 68-70.
 14. Берестова Е. М. Земские и духовные школы в Удмуртии: сотрудничество или соперничество? // Земское самоуправление: организация, деятельность, опыт: Материалы научной конференции, посвященной 135-летию Вятского земства. Киров, 2002. С. 87-90.
 15. Берестова Е. М. Духовная интеллигенция в Удмуртии начала XX в.: Источниковая база исследований // Культура и интеллигенция России XX в. как исследовательская проблема: итоги и перспективы изучения: Тезисы докладов научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения проф. Л. М. Зак и 70-летию со дня рождения проф. В. Г. Чуфарова. Екатеринбург, 2003. С. 61-62.
 16. Роль духовных школ в становлении национального образования в Удмуртии // Национальная школа: прошлое, настоящее, будущее: Материалы научно-практической конференции. Ижевск, 2003. С. 29-31.